Голышкина Людмила Александровна

РИТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ИНТЕРВЬЮ

В статье рассматривается проблема типологизации интервью, обусловленная множественностью выдвигаемых оснований. Автором предлагаются и обосновываются риторические основания типологизации интервью, задаваемые риторическим каноном как технологией текстообразования, состоящей из последовательных этапов продуцирования текста. Каждый этап создания текста сопряжен с реализацией соответствующей стратегии риторического текстообразования, которая, в свою очередь, определяет типологические свойства текста и выступает индикатором типа интервью.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/7-2/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 2. С. 75-79. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

THE SYNTACTIC PECULIARITIES OF FUNCTIONING OF INTRODUCTORY ELEMENTS IN THE INGUSH LANGUAGE

Bekova Lyudmila Ruslanovna
Ingush State University, Magas
aszur@rambler.ru

In the article the syntactic peculiarities of functioning of introductory words, phrases and sentences in the Ingush language are described. The syntactic status of introductory elements is considered in detail. Various structural types of introductory elements and the ways of their connection within the sentence are analyzed. This article is intended for the specialists in linguistics of the Ingush language, as well as for a wide range of people interested in the study of the Caucasian languages.

Key words and phrases: the Ingush language; introductory elements; syntactic constructions; complicated sentence; part of sentence.

УДК 808:81’42

В статье рассматривается проблема типологизации интервью, обусловленная множественностью выдвигаемых оснований. Автором предлагаются и обосновываются риторические основания типологизации интервью, задаваемые риторическим каноном как технологией текстообразования, состоящей из последовательных этапов продуцирования текста. Каждый этап создания текста сопряжен с реализацией соответствующей стратегии риторического текстообразования, которая, в свою очередь, определяет типологические свойства текста и выступает индикатором типа интервью.

Ключевые слова и фразы: интервью; типологизация; основания; риторический канон; текстообразование; стратегии риторического текстообразования; типологические свойства риторического текста.

Голышкина Людмила Александровна, к. филол. н., доцент
Новосибирский государственный технический университет
ludmila200273@mail.ru

РИТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ИНТЕРВЬЮ

Решение вопроса типологизации интервью в теории журналистики и медиалингвистике традиционно осуществляется с прагматических позиций журналиста, демонстрирующих его целеполагание. Так, выделяют информационное и аналитическое интервью [24]; либо информационное интервью, интервью-расследование, персональное интервью, которое, в свою очередь, может быть портретным, разоблачающим (с «антигероем»), «звездным», экспертным, проблемным [14, с. 16-19; 23, с. 64-65]. В зависимости от темы интервью квалифицируют как предметное, личностное и предметно-личностное [11, с. 53-55]. М. И. Шостак выделяет две модели интервью на основании используемых типов вопросов: с завершенным («закрытым») концом и с незавершенным («открытым») концом [25, с. 56-60]. В фокус типологизации нередко попадают и формальные основания, тогда говорят о пресс-конференции, выходе к прессе, брифинге, «круглом столе», интервью по телефону, интервью с помощью электронных ресурсов (чат, форум, электронная почта и т.п.) [14, с. 20-28]. В. В. Ворошилов рассматривает в одном ряду различные основания типологизации: от видов речевого воплощения (интервью-монолог, интервью-диалог, интервью-полилог) до формализованных шаблонов диалогического взаимодействия (анкеты, блиц-опросы) [5, с. 176]. А. А. Грабельников в рамках группы информационных жанров, помимо интервью-диалога и интервью-монолога, выделяет интервью-сообщение, интервью-зарисовку, интервью-мнение, коллективное интервью и анкету [8, с. 219], что также свидетельствует о неустойчивости критериального подхода к типологизации. Очевидно, что проблема типологизации интервью, обусловленная множественностью выдвигаемых оснований, остается открытой.

В ходе наблюдений над практикой диалогического взаимодействия мы обратили внимание на речевые партии интервьюируемых, представляющие собой связные и цельные микротексты, исключающие спонтанность диалога, но демонстрирующие структурно-смысловую разработанность монолога. Осознанный подход субъекта речи к текстообразованию есть свидетельство целенаправленной риторической деятельности, регулируемой риторическим каноном.

Риторический канон – технология продуцирования текста, фиксирующая этапы «трансформации мысли в слово» – инвенцию, диспозицию и элокуцию [2; 4; 10]. Текст, созданный согласно процедуре риторического текстообразования, принято называть риторическим. Каждый этап формирования риторического текста сопряжен с реализацией определенной стратегии. Соответственно, выявление механизмов продуцирования риторического текста связано с реконструированием инвентивной, диспозитивной и элокутивной стратегий текстообразования.

Инвентивная, или мотивационно-побуждающая, **стратегия** инициирует текстообразование: ее реализация предполагает ментальную разработку предметного содержания риторического текста, формирование его концепции, ориентированной на достижение практической цели субъекта речи. Здесь происходит оформление

мотива и построение во внутренней речи концептуального сценария зарождающегося текста. Так, А. А. Залевская отмечает, что именно первый этап речемыслительного процесса направлен на построение образа результата действия [9, с. 216].

Установка на достижение практической цели формирует такое свойство риторического текста как **перформативность.** Перформативность в данном случае мы трактуем как равнозначность речи и действия, но не на уровне высказывания как в классической теории речевых актов, а на уровне текста в целом. Текст-перформатив, обладая способностью к совершению действия, инициирует коммуникативное событие. Перформативность обеспечивает возможность вписать текст в действительность, сделать его частью реальности в статусе инструмента, управляющего коммуникативной ситуацией. Тогда текст становится составляющей конкретного типа социальной деятельности и коммуникативной практики [7, с. 34].

Осознание практической цели текста – пусковой момент текстообразования, требующий выделить во внетекстовой действительности такой предмет и далее обозначить такую тему текста, которые будут актуальны для аудитории в текущей коммуникативной ситуации. Иными словами, практическая цель субъекта речи управляет ментальной разработкой содержательной концепции текста. При этом риторическая прагматика, ориентированная на эффективность как высший критерий коммуникативной состоятельности, требует от предметного содержания риторического текста выраженной **актуальности**, злободневности, привязанности к ситуации «здесь и сейчас». Иначе говоря, денотативное пространство риторического текста должно представлять интерес не только для говорящего, но и для слушающего.

Диспозитивная, или смыслоформирующая, **стратегия** текстообразования требует дальнейшей разработки содержательно-смысловых компонентов текста и их упорядочивания, результатом чего становится создание композиционно-аргументационной структуры текста. Конструирование текстовой структуры подчиняется коммуникативной цели говорящего, которая может быть убеждающей, информационной, протокольно-этикетной, развлекательной и т.п.

Достижение коммуникативной цели свидетельствует о воздействующем эффекте риторического текста, или о его персуазивности. Так, А. В. Голоднов квалифицирует риторический текст исключительно как персуазивный, доминирующей функцией которого является воздействие на ментальную сферу реципиента (его мнения, оценки) с целью изменения его поведения (побуждения к совершению / отказу от совершения определенных действий) [6, с. 110].

Персуазивность риторического текста обусловлена в значительной степени его аргументационной организацией, которая создает условия для убеждения адресата в приемлемости предлагаемой точки зрения. Аргументация начинается с выдвижения тезиса, который делится в смысловой структуре текста на подтезисы-суждения разных уровней, вокруг которых, в свою очередь, формируются микросистемы аргументов, направленные на доказательство истинности тезиса. Суждение и системно организованные в его поддержку аргументы выступают логической основой такого функционально-смыслового типа речи как рассуждение. Рассуждение мы рассматриваем как единицу сверхфразовой организации риторического текста, общесмысловое значение которой демонстрирует причинно-следственные отношения [16].

Элокутивная стратегия, или стратегия вербального оформления, нацелена на отбор и комбинаторику языковых средств, которые ясно, логично, доступно и выразительно эксплицируют замысел автора, обеспечивая такое условие коммуникативного существования риторического текста как **публичность.** В свою очередь, публичность требует установления интерперсональных отношений между коммуникантами, что достигается средствами адресации и авторизации и обусловливает **диалогичность** риторического текста.

Таким образом, каждая воплощенная стратегия риторического текстообразования наделяет текст определенным типологическим свойством. Инвентивная стратегия направлена на формирование таких типологических параметров текста как перформативность и актуальность. Реализация диспозитивной стратегии определяет персуазивность риторического текста. Элокутивная стратегия актуализирует такие свойства как публичность и диалогичность. Последний критерий является результатом авторства и адресности риторического текста.

Риторическая модель текстообразования – конструкт эффективного монологического текста. Однако наблюдения над речевой коммуникацией свидетельствуют об актуализации риторических стратегий и в практике моделирования диалога. Возможности стратегического моделирования диалога обусловлены, как правило, достаточно высоким уровнем текстовой компетентности интервьюируемого, его обширной, часто профессиональной, риторической практикой.

Рассмотренные теоретико-методологические положения позволяют выдвинуть **риторические основания типологизации интервью**. Подчеркнем, что предлагаемый нами подход базируется на критериях, учитывающих когнитивный и коммуникативный потенциал интервьюируемого в области продуцирования текстов, т.е. текстовой деятельности.

Так, тенденции актуализации инвентивной стратегии текстообразования наиболее показательны в политическом дискурсе, постоянно испытывающем «потребность в поддержании созданного общественного порядка и его рекурсивности (традиционности)» [17, с. 46]. При этом удовлетворение указанной потребности нередко осуществляется посредством проведения ритуальных мероприятий, или политических перформансов, формирующих и сохраняющих традиции власти.

Отметим, что в коммуникативном арсенале президента РФ В. Путина есть немало интервью, которые характеризуются выраженной интенцией субъекта речи на создание речевого перформанса. В качестве примера приведем интервью В. Путина по итогам Олимпиады в Сочи представителям телеканалов «Первый», ВГТРК,

НТВ, РБК от 25.02.2014 [19] и интервью по окончании праздничных мероприятий, посвященных 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, программе «Вести в субботу» телеканала «Россия» (журналист Сергей Брилев) от 09.05.2015 [20]. Здесь в первом случае диктумным содержанием становится сама Олимпиада и ее результаты, во втором – состоявшиеся праздничные ритуальные мероприятия (парад, акция «Бессмертный полк»). Сам акт представления первым лицом государства результатов Олимпиады и мероприятий Дня Победы есть коммуникативные события, которые в первую очередь должен принять и положительно оценить совокупный реципиент, под которым в массмедийном ракурсе понимается вся мировая общественность. Отметим и тесную хронологическую связь между только что завершившимися мероприятиями, составляющими ядро контента анализируемых интервью, и самими процедурами интервьюирования, что способствует реализации такого риторического свойства как актуальность – привязанность к ситуации «здесь и сейчас».

Таким образом, в настоящих текстах доминирующей оказывается инвентивная стратегия текстообразования, что позволяет говорить о существовании **перформансного, или событийноцентрического**, типа интервью.

Тенденции эффективного воплощения диспозитивной стратегии моделирования текста особенно очевидны в религиозном дискурсе, культивирующем традиции гомилетики. Так, лучшие представители высокого духовенства Русской Православной Церкви, являясь опытными риторами, обеспечивают достижение персуазивного эффекта путем тщательной разработки аргументации. Часто в структуре интервью они выстраивают микротексты, используя в качестве единицы сверхфразовой организации такой функционально-смысловой тип речи как рассуждение, логическую основу которого составляет доказательство.

Из корпуса проанализированных текстов примерами здесь выступают интервью Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (ныне Патриарха Московского и всея Руси) «Постижение России или открытый урок гражданственности» православно-просветительскому журналу «Фома» (январь 2009) [15]; интервью протоиерея Русской Православной Церкви, духовника Свято-Алексеевского женского монастыря Артемия Владимирова «Устное и письменное слово в просветительной деятельности» в эфире телеканала «Союз» (программа «Беседы с батюшкой» от 20.01.2015) [3]; интервью декана факультета психологии Российского православного университета священника Петра Коломейцева «Православное воспитание подростков» в эфире телеканала «Союз» (программа «Беседы с батюшкой» от 20.04.2017) [12].

Представим наблюдения над аргументационной организацией, сделанные нами на материале текста эксклюзивного интервью Патриарха Московского и всея Руси Кирилла «Невозможно прекратить войны в мире нелюбви» от 22.06.2015, данное РИА Новости. При построении доказательства владыка активно использует самые разные структуры аргументации: подчинительную аргументацию, или последовательное рассуждение, где один довод поддерживает другой; сочинительную аргументацию, или связанное рассуждение, где каждый из приводимых доводов непосредственно соотносится с исходной точкой зрения, все аргументы взаимозависимы и только вместе эффективно поддерживают заданную точку зрения; множественную аргументацию, или конвергентное рассуждение, где каждый аргумент самостоятельно до известной степени доказывает точку зрения [22, с. 123-124].

Так, в ответе на комплекс вопросов журналиста патриарх в рамках сформированного микротекста выстраивает многоступенчатую сложную аргументацию, в которую входят различные структуры:

Интервьюер (Ольга Липич): *Советское общество называют атеистическим. Можно ли утверждать, что страшные события четырех лет Великой Отечественной войны способствовали возрождению веры в стране, росту религиозности? Как в целом с духовной точки зрения можно трактовать Вторую мировую войну и одержанную в мае 1945 года Великую Победу?*

Интервьюируемый (Патриарх Кирилл): *Победа в Великой Отечественной войне – это победа не только советского оружия, военных технологий, искусства командиров, но в первую очередь победа силы русского духа* (тезис). *В современном сознании дух воспринимается зачастую как нечто эфемерное, нереальное, практически неизмеримое и поэтому почти несуществующее* (аргумент 1). *Вместе с тем именно этот почти неуловимый дух является средоточием человеческой личности, самым главным и самым ценным в человеке* (аргумент 2) [21]. Здесь аргументы связаны подчинительными отношениями, формируют последовательное рассуждение, где один довод поддерживает другой, что эксплицировано дейктическим оператором *этот* (дух) в аргументе 2. Далее в структуре микротекста тезис начинает делиться на подтезисы-суждения, вокруг которых складываются микросистемы аргументов.

<…> История не знает сослагательного наклонения. Но она помнит факты (парцеллированный подтезис-суждение). *Важнейшим из них, ставшим фактором нашей победы, является то, что в 1943 году, в самый разгар войны, советским руководством было принято решение о возвращении священнослужителей из мест заключения, открытии храмов, возобновлении деятельности монастырей и духовных учебных заведений* (аргумент 1). *К началу войны Церковь была обескровлена расстрелом десятков тысяч верующих и духовенства, публичным осмеянием святынь, многократными случаями святотатства и кощунства* (аргумент 2). *И при этом Церковь нашла в себе силы не замкнуться в собственной беде, а действительно по-христиански возлюбить своего вчерашнего врага, каким и называл себя, не стесняясь, советский государственный строй* (аргумент 3). *Более 150 миллионов рублей было собрано Церковью и передано государству для создания танковых колонн, самолетных дивизий, обеспечения тыла и помощи раненым* (аргумент 4). *Это большие деньги для того времени; верующие буквально отдавали последнее, что у них было, государству, которое вчера расстреливало священников и взрывало храмы Божии* (аргумент 5). *Факт этой помощи – сильнейший показатель, что сила духа выковывалась не только на передовой линии фронта,*

но и в молитвенной тишине некогда поруганных храмов, трудами и подвигами простых русских людей, устоявших в верности Христу (вывод) [Там же].

В анализируемой микротеме аргумент 1 и аргумент 4 можно квалифицировать как аргументы первого уровня, формирующие конвергентное рассуждение, где каждый довод самостоятельно доказывает точку зрения, а аргументы 2, 3, 5 выполняют вспомогательные функции в аргументации: являются доводами второго уровня. Так, аргумент 1 вступает в сочинительные отношения с аргументом 2, который разъясняет фактуальную информацию инициального довода путем апелляции к истории, что позволяет понять исторический контекст и осознать решение советского руководства 1943 года. Аргумент 2 и аргумент 3 объединены в подчинительную структуру, что вербализовано присоединительным союзом *при этом*. В свою очередь, аргумент 4 и аргумент 5 формируют последовательное рассуждение, или подчинительную аргументацию, что обеспечивается линейной тематической прогрессией как принципом построения текста.

Отметим, что извлеченный из структуры интервью ответ патриарха в принципе может существовать как самодостаточный текст, обладающий как основными категориальными параметрами (связностью, цельностью, информативностью и автосемантичностью), так и характеристиками рассуждения как функционально-смыслового типа речи.

Разработанность структурно-аргументационной организации формирует выраженный разъяснительный и убеждающий характер интервью, обеспечивает воздействующий эффект речевого жанра, что позволяет выделять **персуазивный** (по интенционально-прагматической направленности), или **текстоцентрический** (по структурной организации), **тип.**

Элокутивная стратегия текстообразования, обеспечивающая диалогичность речевого продукта, актуализируется особенно наглядно в таких интервью, где диктумным содержанием становится образ личности во всем многообразии составляющих его характеристик. Конструирование образа личности имеет, как правило, имиджевую направленность и эксплицируется средствами авторизации: это личные местоимения 1-го лица единственного и множественного числа и соответствующие им глагольные формы, притяжательные местоимения 1-го лица единственного и множественного числа, вводные конструкции, безлично-предикативные конструкции, свидетельствующие об авторской модальности, и т.п. [13, с. 195-208].

Так, в интервью В. Познера порталу *Lenta.ru* «Просто в Париже мне комфортней» от 15.10.2015 находим обширный арсенал средств выражения авторского «Я»:

Роман Уколов (интервьюер): *Где же ваша родина?*

Владимир Познер (интервьюируемый): *Скорее всего, между Парижем и Нью-Йорком.* ***Я себя чувствую*** *совершенно дома во Франции, если говорить о стране. А если говорить о городе, то город, в котором* ***я вырос*** *и сформировался, – это Нью-Йорк. Это* ***мое*** *место. Это* ***сложно****, но так получилось* ***в моей*** *жизни. Иногда* ***я завидую*** *людям, которые никогда не сомневались в том, кто они и где их родина. Но* ***у меня*** *такая вот ситуация* [18].

Диалогичность нередко создается экспликацией экспертного мнения говорящего, который трансформирует прямой вопрос интервьюера в проблему, имеющую актуальность для современной социокультурной ситуации, и дает ответ, мотивированный собственным профессиональным опытом:

Роман Уколов (интервьюер): *Вы политический журналист?*

Владимир Познер (интервьюируемый): ***Я не понимаю****, что такое неполитический журналист. Если человек пишет статьи о кино, то какой он журналист – он кинокритик.* ***Для меня*** *журналист – это человек, который занимается информацией общественно-политического характера, обращает внимание общества и власти на то, что не в порядке в стране, стремится максимально честно и объективно информировать свою аудиторию о том, что происходит.* ***Я так понимаю*** *журналистику* [Там же].

Экспертное мнение особенно ценно, когда оно касается общечеловеческих ценностей и универсалий. Так, интервью Ирины Антоновой, президента ГМИИ им. А. С. Пушкина, «Какая я была молодая!» ТАСС от 20.03.2017 интересно самой онтологической концепцией, которую выстраивает знаменитый искусствовед, перешагнувший 95-летний юбилей. В тексте этого интервью традиционные средства авторизации дополняются обобщенно-личными и инфинитивными синтаксическими конструкциями, расширяющими спектр выражения модальных значений:

Андрей Ванденко (интервьюер): *Полагаете, честность – исключительная привилегия умудренных сединами?*

Ирина Антонова (интервьюируемый): *Нет, но факт, что после 70 шкала ценностей иная. Меньше* ***суетишься, отметаешь*** *лишнее. Зато* ***обретаешь*** *нечто более важное.* ***Знаю*** *случаи, когда на старости лет люди приходили к богу. В этом смысле* ***я*** *ничуть* ***не изменилась, остаюсь*** *убежденной* ***атеисткой****. Можете не поверить, хотя* ***мне*** *сейчас* ***верить надо****:* ***умереть не боюсь****. И не потому, что* ***такая смелая. Уходить не хочется*** *даже в 95, но* ***я*** *ведь* ***вижу****: пройден большой путь, не сделано ничего постыдного... Чтобы* ***не отравить*** *настоящее,* ***нельзя*** *постоянно* ***ждать*** *конца,* ***думат****ь только об этом. Но и* ***цепляться*** *за жизнь, пытаясь любой ценой* ***продлить*** *пребывание на белом свете, ни к чему.* ***На мой взгляд****, лучше* ***жить*** *так, словно никогда* ***не умрешь****. Не в том смысле, чтобы* ***расслабиться*** *и ничего* ***не делать****, мол, потом успею, а наоборот – каждый день* ***совершать*** *маленький шажок вперед, чтобы завтра* ***продвинуться*** *еще дальше.* ***Мне некогда думать*** *о смерти, слишком многое,* ***повторяю****, не завершено.* <…> [1].

Очевидно, что жанровая природа интервью зиждется на диалогичности. Однако мастерство интервьюируемого определяется не столько его умением увлечь реципиента позиционированием авторского «Я» и фактами своей биографии, сколько способностью вписать свои мировоззренческие установки и ценностные

приоритеты в контекст современности, в систему общечеловеческих аксиологических универсалий, что позволяет сделать слушателя в определенной степени своим единомышленником. Соответственно, есть основания выделять не просто персональное/портретное интервью, а **рефлексивно-авторизующий, или личностноцентрический, тип**.

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что реконструированная стратегия риторического текстообразования, использованная интервьюируемым в качестве доминантной и активирующая определенные типологические свойства текста, может рассматриваться как индикатор типа интервью. Интервьюируемый, эксплуатируя в конкретной коммуникативной ситуации приоритетную стратегию продуцирования риторического текста, становится участником диалога, который не столько следует за интенциями журналиста, сколько самостоятельно определяет принципы конструирования речевого взаимодействия, транслируя актуальные смыслы в пространстве массмедиа.

Список источников

1. **Антонова И. А.** Какая я была молодая! [Электронный ресурс]. URL: http://tass.ru/opinions/interviews/4103678 (дата обращения: 22.04.2017).
2. **Безменова Н. А.** Очерки по теории и истории риторики. М.: Наука, 1991. 215 с.
3. **Владимиров А.** Устное и письменное слово в просветительной деятельности [Электронный ресурс]. URL: http://tv-soyuz.ru/peredachi/ustnoye-i-pismennoye-slovo-v-prosvetitelnoy-deyatelnosti (дата обращения: 21.03.2017).
4. **Ворожбитова А. А.** Теория текста: антропоцентрическое направление. М.: Высшая школа, 2005. 367 с.
5. **Ворошилов В. В.** Журналистика. 7-е изд., стер. М.: КНОРУС, 2010. 496 с.
6. **Голоднов А. В.** Аргументативная структура риторического (персуазивного) текста // Вестник Иркутского государственного университета. 2010. № 1 (9). С. 109-114.
7. **Голышкина Л. А.** Система типологических свойств риторического текста // Мир русского слова. 2015. № 3. С. 31-37.
8. **Грабельников А. А.** Работа журналиста в прессе. М.: РИП-холдинг, 2001. 274 с.
9. **Залевская А. А.** Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 2000. 382 с.
10. **Клюев Е. В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). М.: ПРИОР, 1999. 272 с.
11. **Колесниченко А. В.** Прикладная журналистика. М.: Изд-во Московского ун-та, 2008. 180 с.
12. **Коломейцев П.** Православное воспитание подростков [Электронный ресурс]. URL: http://tv-soyuz.ru/peredachi/besedy-s-batyushkoy-efir-ot-20-aprelya-2017g (дата обращения: 28.04.2017).
13. **Кохтев Н. Н.** Основы ораторской речи. 2-е изд. М.: Флинта, 2013. 328 с.
14. **Лукина М. М.** Технология интервью. 2-е изд., доп. М.: Аспект Пресс, 2012. 192 с.
15. **Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл.** Постижение России или открытый урок гражданственности [Электронный ресурс] // Фома. 2009. № 1 (69). URL: http://foma.ru/postizhenie-rossii-ili-otkryityij-urok-grazhdanstvennosti.html (дата обращения: 20.03.2017).
16. **Нечаева О. А.** Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1974. 261 с.
17. **Олянич А. В.** Презентационная теория дискурса. М.: Гнозис, 2007. 407 с.
18. **Познер В. В.** Просто в Париже мне комфортнее [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/articles/2015/10/15/pozner/ (дата обращения: 13.04.2017).
19. **Путин В. В.** Интервью представителям телеканалов «Первый», ВГТРК, НТВ, РБК по итогам Олимпиады в Сочи от 25.02.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/20336 (дата обращения: 17.04.2017).
20. **Путин В. В.** Интервью телеканалу «Россия» программе «Вести в субботу» по окончании праздничных мероприятий, посвященных 70-летию Победы в Великой Отечественной войне от 09.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/49454 (дата обращения: 17.04.2017).
21. **Святейший Патриарх Кирилл: Невозможно прекратить войны в мире нелюбви** [Электронный ресурс]. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/4130877.html (дата обращения: 18.04.2017).
22. **Снук Хенкеманс А. Ф.** Структуры аргументации // Важнейшие концепции теории аргументации. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. С. 123-161.
23. **Современный медиатекст**: учеб. пособие / отв. ред. Н. А. Кузьмина. 2-е изд., испр. М.: Флинта; Наука, 2013. 416 с.
24. **Тертычный А. А.** Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2000. 312 с.
25. **Шостак М. И.** Журналист и его произведение. М.: Гендальф, 1998. 95 с.

RHETORICAL FOUNDATIONS OF THE INTERVIEW TYPOLOGIZATION

Golyshkina Lyudmila Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Novosibirsk State Technical University
ludmila200273@mail.ru

The article deals with the issue of the interview typologization, conditioned by the multiplicity of the foundations being put forward. The author proposes and grounds the rhetorical foundations for typologizing the interview, being set by the rhetorical canon as a technology of text formation, consisting of successive stages of producing the text. Each stage of the text creation is associated with the realization of the corresponding strategy of rhetorical text formation, which, in turn, determines the typological properties of the text and acts as an indicator of the type of the interview.

Key words and phrases: interview; typologization; foundations; rhetorical canon; text formation; strategies of rhetorical text formation; typological properties of rhetorical text.